

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ РАЦИОНАЛЬНОГО И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ КАК ФОРМЫ МЫСЛИ

Д.В. Власов

Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики (МЭСИ)
ул. Нежинская, 7, Москва, Россия, 119501

В статье анализируются современные подходы к трактовке понятий рационального и иррационального и их связь с понятийным мышлением. Показано, что категория рационального проделала значительную эволюцию, в связи с чем включение рационального в структуру понятия требует серьезного переосмысления последнего.

Ключевые слова: понятие, мышление, познание, рациональное, иррациональное.

В 60-е гг. XX в. в отечественной философии возникла дискуссия об историчности форм разума, которая сделала очевидной необходимость пересмотра взглядов на рациональность и, в первую очередь, ее научные формы. Эта тенденция нашла свое выражение в расширенном подходе к рациональности, допускающем признание многообразия ее проявлений в человеческой деятельности, осуществляемой в соответствии с различными идеями, ценностями, идеалами. Было показано, что рациональное не ограничивается целесообразностью, но связано с целеполаганием, в котором «формируются, опровергаются, действуют и разрушаются познавательные каноны» [1. С. 278].

Научная рациональность, как «квинтэссенция *ratio* и логики, как закон и норматив разума в его наиболее адекватном и чистом применении» [5. С. 15], уже не могла «отгородиться от воли, эмоций, морали, от ценностей» [6. С. 11]. При этом научная рациональность, понимаемая как соответствие определенным правилам (в первую очередь логическим), не исключает и того, что мышление может быть не только понятийным, но и образным. По справедливому замечанию Н.Н. Моисеева, даже в самой рациональной из наук — математике — понятие строгости рассуждений как абсолютного выражения рационализма весьма условно, ибо математический тезис «не несет однозначного понимания и может быть оспорен» [11. С. 42].

При таком понимании рациональности наука утрачивает монополию на обладание рациональностью. В связи с этим А.С. Богомоллов выделяет основные

моменты, позволяющие развести понятия рациональности и научности. Он полагает, что рациональность не обязательно должна быть формальной (рассудочной), свойственной науке, и может быть приписана другим формам сознания.

Так, объективная структурированность, как один из атрибутов рационального, присуща не только научной теории, но и религии, мифу, искусству, морали. Обнаружившаяся множественность логических языков, наличие «языков» разной структуры позволяют включить в понятие рационального, наряду с логикой, используемой в науке, языки и своеобразные «логики» мифа, религии, морали [2. С. 106].

В связи с этим приобретает актуальность проблема анализа различных форм духовной деятельности. Так, Л.А. Микешина справедливо отмечает, что сегодня возникла необходимость освоения проблематики неосознанного, личностного, неявного знания, архетипов коллективного бессознательного в познавательной деятельности. Это существенно расширяет понятие рациональности и способов ее существования в культуре и социуме [9. С. 7]. Е.А. Черткова полагает, что рациональные и иррациональные методы постижения мира являются не двумя последовательными фазами развития познавательной способности человека, а представляют собой «два мира, две онтологии, существующие относительно независимо друг от друга и по-разному влияющие на наше мировоззрение» [15. С. 156].

Рациональное и иррациональное представляют собой два равно необходимых способа познания, «без которых невозможно создание истинной, объективной и гармоничной картины мира, предполагающей наличие многообразия проявлений рациональности» [4. С. 21]. Отсюда напрашивается эпистемологическое требование: «синтез многообразных форм познания должен проявить себя не в борьбе за выживание или господство, не в стремлении утвердить себя за счет других, а в их взаимном сосуществовании, совмещении и проявлении друг в друге» [Там же], в особенности если учесть, что рациональность существенно связана с развитием самих правил познания и деятельности, что она включена в диалог разных культурных и познавательных традиций, который разворачивается в значительной мере спонтанно, поскольку в процессе этого диалога «происходит пересмотр самих правил рациональности» [7. С. 35].

Современная познавательная ситуация характеризуется наличием «многообразия современных проектов жизни, социальных взаимоотношений, философских учений и научных концепций» [8. С. 28]. Поэтому классический идеал рациональности, исключаящий анализ духовно-практического опыта специфических типов знания, должен быть не просто отвергнут, преодолен или отброшен (что приведет к односторонности и обедненности понимания современной познавательной ситуации), но во многом критически переосмыслен, переоценен и существенно дополнен. В связи с этим возникает проблема определения границ рационального. Ведь неограниченное расширение этого понятия чревато утратой его определенности и размыванием границ между рациональным и иррациональным.

В современной философии наметились две тенденции в трактовке понятия иррационального. В рамках первой тенденции иррациональное понимается как нечто негативное, чуждое и враждебное разуму, поскольку не может быть достигнуто разумным путем, нечто противоположное рациональности и исключющее

ее, не подчиняющееся законам логики. Как считает Н. С. Автономова, такая трактовка иррационального является «следствием кризиса рационализма в той или иной исторической форме» [1. С. 11], и поэтому не только не способствует рациональному освоению действительности, но и дезориентирует его.

В рамках второй тенденции иррациональное понимается как дорациональное, то есть еще не вошедшее в сферу разумной рефлексии, непознанное, но подлежащее познанию [13. С. 173]. В такой трактовке иррациональное оценивается как необходимый момент постижения действительности, как нечто такое, с чем «возможен и даже необходим диалог» [8. С. 18]. Такое понимание обогащает иррациональное и уточняет содержание рационального, способствует установлению его границ. Освобождаясь от негативной оценки, иррациональное «понимается как интуитивные, схватываемые фантазией, чувством неосознаваемые грани самого разума, как новое, еще неотрефлексированное, допонятийное, не принявшее логически определенные формы знание», то есть скорее «как еще не-рациональное» [12. С. 54]. Нет сомнения в том, что вторая тенденция является преобладающей, она способствует сближению понятий рационального и иррационального; с ее позиций эти две категории тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, находятся в постоянном взаимодействии, взаимопроникновении. Так, понимаемое иррациональное всегда присутствует в рациональном, поскольку для реализации рациональных решений оно является необходимым моментом.

В основу периодизации развития понятия рационального легли идеи В.С. Степина, который выделил три этапа в развитии рациональности: классический, неклассический, постнеклассический или неоклассический [14. С. 152]. Эта периодизация была взята за основу и развита Н.С. Автономовой, которая, рассматривая смену типов рациональности, связала их развитие с эволюцией понятия разума в истории философской мысли и уточнила их исторические рамки. Указывая на то, что классический тип рациональности берет свое начало в античной философии, она акцентирует внимание на его развитии в XVII—XIX вв., выделяя такие этапы, как просветительский, научный и позитивно-научный. Как показывает Н.С. Автономова, в рамках классического типа рациональности разум выступает в качестве всеобъемлющего универсального принципа, «синонима фундаментального соответствия между миром идей и миром вещей, общей гармонии между законами миропорядка и осуществимыми стремлениями» [1. С. 23]. Однако концепция классического типа рациональности обнаруживает свою несостоятельность к концу XIX — началу XX в.

В рамках неклассического типа рациональности, основу которого составляют концепции, «отказывающиеся от решительных перестроек и основанные на вере в возможность постепенных, положительных перемен» [Там же. С. 24], разум развивается параллельно и в оппозиции к различного рода иррационалистическим течениям (таким, как философия жизни, экзистенциализм). Между тем эти течения оказались не периферийными, а равноправными элементами мыслительного пространства, а подчас «едва ли не его сердцевиной» [Там же], что в конечном счете и привело к формированию постнеклассического типа рациональности в середине XX в. Для этого типа рациональности характерно расширенное понимание разума, взаимодействия, взаимопроникновения его с иррациональными формами по-

стижения мира, которые стали восприниматься уже не как нечто чуждое и противостоящее разуму, а как нечто, с чем не только возможен, но и необходим диалог. Таким образом, постнеклассический тип рациональности представляет собой единство рационального и иррационального в различных формах постижения мира, включая и научные. Как видим, периодизация Н.М. Автономовой одновременно выполняет функции типологизации форм рациональности.

Заслуживает интереса и типологизация, разработанная С.Э. Валдавиной. В рациональности, рассматриваемой как социокультурная характеристика Запада, С.Э. Валдавина выделяет следующие основные типы: классический, позитивистско-сциентистский и коммуникативный (или герменевтический). К первому типу относится мышление европейской науки и культуры XVII—XVIII вв., когда «новоевропейская наука начинает осознавать себя как преимущественно эмпирическое исследование, предполагающее деистическое мировоззрение, механистическую картину мира и лапласовский детерминизм и, наконец, «геометрический метод» [З. С. 39], а «классическая наука еще не выделялась из философии (натурфилософии) в качестве абсолютно самостоятельной и довлеющей себе системы знания, не противопоставляла себя философскому умозрению» [Там же].

Второй тип рационализма — это «постклассическая рациональность», господствующая в XIX—XX вв. Гранью, отделяющей ее от классического рационализма, является, по мнению С.Э. Валдавиной, «признание того, что непосредственное созерцание умом идей — прообразов всех вещей чувственного мира, проникновение с помощью умозрения, называемого интеллектуальной интуицией, в сокровенные тайны порождения субстанцией всех своих данных эмпирически явлений, никакого отношения к научному познанию не имеет. Этот метод непосредственного усмотрения сверхчувственного бытия пригоден только для философской спекуляции. Он органичен для метафизики, но не для научного познания. Специальная наука должна быть решительно освобождена от этого бесплодного теоретизирования. Отныне наука — сама себе философия» [Там же. С. 40].

В рамках «позитивистско-сциентистского» типа рациональности С.Э. Валдавина выделяет этапы «старого» (первого) позитивизма, махизма, неопозитивизма и критического рационализма, которые он прошел в своем развитии. Прикладным «измерением» позитивистского образа рациональности является технологический детерминизм, собственно сциентизм, или «своего рода культ утилитарно-технических аспектов науки, сопряженный с игнорированием трудностей претворения научных знаний в действительность» [Там же]. В сциентизме «доводится до логического завершения позитивистская интерпретация научного познания: гносеология трансформируется в «онтологию ума», а определение бытия — в его техническую и организационную составляющую». Таким образом, сциентизм «есть отражение реальных процессов превращения науки в полезные для человека вещи, в бытовой факт» [Там же].

Третий тип рациональности, по С.Э. Валдавиной, — «коммуникативно-герменевтический», или «социокультурный». Этот тип рациональности лежит за пределами науки и техники, он представлен феноменологической или понимающей социологией. Возводя истоки данного типа рациональности к В. Дильтею, Г. Риккерту и Э. Гуссерлю, С.Э. Валдавина называет его «веберовской» рационально-

стью — «по имени автора, оставившего после себя впечатляющую, продуманную в деталях картину рациональных элементов повседневности, несводимых непосредственно к профессиональному научному знанию» [Там же. С. 45]. Основывается этот тип рациональности, как считает С.Э. Валдавина, на различении, с одной стороны, понятия и объяснения, с другой — понимания.

Как видим, категория рационального проделала значительную эволюцию, в основе которой лежат объективные процессы развития человеческого познания. В связи с этим встает вопрос о том, как эволюционирует соотношение рационального и понятийного мышления, и шире — категории понятия как формы мысли и рационального как типа мышления и познания действительности.

Традиционная трактовка понятия сводит его к одной из форм абстрактного мышления, посредством которой отображается сущность вещей, недоступная ощущениям, восприятиям и представлениям. Эта трактовка понятия обеспечивает ему естественное и прочное положение в структуре рациональности классического типа, но уже в контексте позитивистско-сциентистского типа рациональности с характерным для него тяготением к номинализму роль понятия становится, по меньшей мере, двусмысленной. Если оно и удерживается в структуре этого типа рациональности, то лишь ценой сведения его к имени, по сути, выхолащивания содержания, связанного с отображением сущности обобщаемых в понятии предметов.

Что же касается коммуникативно-герменевтического типа рациональности, то включение в его структуру понятия требует серьезного переосмысления последнего. Жесткая логическая форма понятия и строго единообразное определение его содержания при его традиционной трактовке становятся препятствием к использованию так понимаемого понятия в диалогическом развертывании познавательного дискурса, характерном для коммуникативной рациональности, центральной проблемой которой является проблема понимания. Помимо логических аспектов, в данном типе рациональности весомую роль играют аспекты ценностные, кроме того, наряду с интеллектуальным компонентом в его реализации активно участвуют воображение, чувства, эмоции. Все это не укладывается в традиционную трактовку понятия как формы мысли, предполагающую строгое следование законам классической двужанной логики — требованиям непротиворечивости, однозначности, последовательности и полноты.

Таким образом, признавая неразрывную связь категорий рационального и понятийного мышления, рассматривая использование понятий как обязательный атрибут рационального, мы должны существенно расширить современное представление о понятии, насытить его смыслами, в полной мере отражающими место понятия в структуре современной рациональности. Для этого необходимо выявить связь понятия не только с логикой и языком, но и с такими категориями, как человеческая свобода, ценность, действие, целеполагание, понимание. При этом должна учитываться множественность проявлений рациональности в различных формах человеческого познания, зависимость ее конкретных форм от специфических характеристик предметной области. Так, специфические характеристики обыденного и научного познания, познания в гуманитарных и точных науках не могут не порождать различной специфики в образовании и использовании понятий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность. — М.: Наука, 1988.
- [2] *Богомолов А.С.* Наука и иные формы рациональности // Вопросы философии. — 1979. — № 8.
- [3] *Валдавина С.Э.* Юридическая наука как вид рациональности: Дисс. ... канд. филос. наук. — Ростов н/Д., 2003.
- [4] *Дрянных Н.В.* Рациональность в структуре познания и деятельности: Дисс. ... канд. филос. наук. — М., 2004.
- [5] *Касавин И.Т., Сокулер З.А.* Рациональность в познании и практике. — М.: Наука, 1989.
- [6] *Кузнецов Б.Г.* Ценность познания. Очерки современной теории науки. — М.: Наука, 1975.
- [7] *Лекторский В.А.* Рациональность, критицизм и принципы либерализма (взаимосвязь социальной философии и методологии К. Поппера) // Вопросы философии. — 1995. — № 10.
- [8] *Микешина Л.А.* Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре. Материалы «круглого стола». Выступление Микешиной Л.А. // Вопросы философии. — 2003. — № 12.
- [9] *Микешина Л.А., Опенков М.Ю.* Новые образы познания и реальности. — М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.
- [10] *Микешина Л.А.* Философия познания. XXI век. Синтез когнитивных практик // Вестник Российского философского общества. — 1999. — 3 (11).
- [11] *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. — М.: МГВП КОКС, 1995.
- [12] *Мудрагей Н.С.* Рациональное и иррациональное — философская проблема (читая А. Шопенгауэра) // Вопросы философии. — 1994. — № 9.
- [13] Современная западная философия // Словарь. 2-е изд. — М.: Тон-Остожье, 2000.
- [14] *Стёпин В.С.* Специфика научного познания и социокультурные предпосылки его генезиса // Наука и культура. — М.: Наука, 1984.
- [15] *Черткова Е.А.* Научные и вненаучные формы мышления // Вопросы философии. — 1997. — № 3.

THE PROBLEM OF RATIONALITY EVOLUTION AND NOTION DEFINITION AS FORM OF THINKING

D.V. Vlasov

Moscow State University
Of Economics, Statistics and Informatics
Nejinskaja str., 7, Moscow, Russia, 110501

The modern approaches to the notions interpretation of rationality and irrationality and their relation with conceptual thinking are analyzed in this article. It appears that category or rationality have evolved very considerably, so rationality including in the structure of notion have to be comprehended thoroughly.

Key words: notion, thinking, comprehension, concept, rationality, irrationality.